

МИРОВОЗЗРЕНИЕ

вросшему в землю, лелившемуся под «крутейшей горой» уютному гнезду семьи Турбиных с его удивительной изразцовой печью и «контрастным» соседом, каковым изображен инженер и трус, буржуй и несимпатичный Василий Иванович Лисович, в домашнем турбинском просторечии «Василиса», обыватель, на сатирический портрет которого Булгаков не пожалел красок.

Замечательно сказал в свое время К. Федин о «Хождении по мукам» А. Н. Толстого, когда роман был еще в работе:

«В роман вступили сначала негромкие, потом ясно различимые, настойчивые, тяжкие и, наконец, все подавляющие шаги истории. В 1927 году, приступая ко второму роману трилогии, Толстой уже впустил во все двери и окна бурю истории, и она забушевала во взбудораженной, трепещущей жизнью книге, завертев, как песчинки, маленькие, милые и отчаянные судьбы героев романа».

Вот такой «песчинкой», оторвавшись от «ветки родимой» листком оказались и Катя, и сестра ее Даша, да и другие герои романа, которым предназначена иная, активная роль. Сила Алексея Толстого-художника в том, что в наиболее важных по идейному значению, врезающихся в память сценах и эпизодах его романа история зримо цементирует из этих песчинок «гору времени». Катя завидует Алексею Красильникову, что нет у нее, городской, такого чувства родины, как у деревенских людей. Любовь, и семья, и Родина — все скручено историей в тугой узел — не развязать. Пьяный солдат-немец полез к Матрене — жене Семена Красильникова. «На кривых ногах бешено выскочил Семен из хаты. Алексей только схватился за лавку, остался сидеть, — все равно, он знал, что бывает, когда так выдают люди. Подумал: «Давеча в сенах топор оставил, им — значит...» Диким голосом вскрикнул Семен на дворе. Раздался хряский удар. На дворе что-то зашипело, забулькало, грузно повалилось».

Другой гранью поворачивается история. Вот Телегин спорит с Саложковым, анархистом-кропоткинцем, о роли интеллигенции, о славянофильстве и западничестве. Вот Даша впервые видит и слышит Ленина, и мир предстает перед ней в новом свете. Или другой эпизод, где Даша бросает гневные слова в лицо доктору Булавину, товарищу министра опереточного белогвардейского правительств, своему отцу, сообщающему контрразведке о приезде Телегина. «Мерзавец, — сказала она, — что ты беснуешься? Ты мне не отец, сумасшедший, растленный тип!

И она швырнула в лицо ему обрывки письма...».

Да, Толстой уже впустил «во все двери и окна бурю истории», и на ее свозном ветру окреп и расцвел талант

художника. Стало ему по силам возвести такое здание нового социального романа, где история не лепится «пристройкой», а составляет ту «строительную площадку» нового общества, где развертываются и «маленькие, милые и отчаянные судьбы героев романа...» И можно сказать, что ветер разрушения старого мира из блоковских «Двенадцати» развился и разросся в трилогию Толстого в плодотворный ветер революционного созидания.

«В понимании революции как бурана, метельной стихии Булгаков близок автору «Двенадцати», — читаем мы во вступительной статье В. Лакшина. — Подобно тому, как это было у Блока, сам поэтический образ революционной стихии вырастает у него из противоречия: это и признание правоты, мощи народного моря, вышедшего из берегов, но это и страх перед ним, расплывчатость, неразличимость для художника реальных движущих сил истории».

Нет, в понимании революционной стихии Булгаков не близок, а очень далек от автора «Двенадцати». Разве можно сказать, что у Блока был «страх» перед «народным морем, вышедшим из берегов»? Это у Блока-то, автора статьи «Интеллигенция и революция», воскликнувшего: «Что же вы думали? Что революция — идиллия? Что творчество ничего не разрушает на своем пути? Что народ — паинька? Что сотни жуликов, провокаторов, черносотенцев, людей, любящих погреть руки, не постараются ухватить то, что плохо лежит? И, наконец, что так «бескровно» и так «безболезненно» и разрешится вековая распря между «черной» и «белой» костью, между «образованными» и «необразованными», между интеллигенцией и народом?» Это у Блока «страх» перед народным морем, описанным им с таким озорным и мудрым юмором:

Эх, эх!
Позабавиться не грех!
Запирайте этажи,
Нынче будут грабежи!
Отмыкайте погреба —
Гуляет нынче гольтыба!

Да, у Блока было то, что В. Лакшин характеризует как «неразличимость для художника реальных движущих сил истории». И в этом отношении его действительно можно сравнить с Булгаковым. Но сравнить вовсе не означает уподобить. «Слушайте музыку революции!» — в этот образ, может быть, и не укладывается терминология о движущих силах истории. Но разве этот вдохновенный образ не вкладывался в самую историю как ее движущая сила —

— Шаг держи революционный!
Близок враг неутомный!

Е. ХУДОЖНИК.

Что же тут общего с Булгаковым? Не нужно «улучшать» сильно художника, чей круг идей был далек от понимания «музыки революции».

Узок круг героев романа Булгакова. Автор рисует почти исключительно среду военной интеллигенции, далекую даже от идеалов либеральной буржуазии. Но то, что в романе показано, как рушатся монархические иллюзии в этой оторванной от народа офицерской касте, сообщает ему особый интерес. Здесь восполнено то, чего не хватает роману Толстого в обрисовке фигуры Рощина, заядлого монархиста, испытывающего в конце «Восемнадцатого года» жгучий стыд за своих однополчан:

«Казалось (на это и жмурился Рошин), этот мертвый гимн («Боже, царя храни...»). — В. П.) был единственной идеей у его однополчан... Очистить Россию от большевиков, дойти до Москвы. Колокольный звон... Деникин въезжает в Кремль на белом коне... Да, да, все это понятно. Но дальше-то что, — самое-то главное? Про Учредительное собрание, например, непринципиально было и говорить среди офицеров. Значит: гимн мертвецу?»

«Белая гвардия» Булгакова воссоздает через семейную летопись Турбиных конкретную историю утраченных монархических иллюзий. И эта древняя история нашей эпохи полна современного интереса и значения.

Роман завершается снами Алексея Турбина и Елены и неизвестного мальчика Петьки Щеглова, который «был маленький, поэтому он не интересовался ни большевиками, ни Петлюрой, ни Демонем. И сон привиделся ему простой и радостный, как солнечный шар». Смысл снов вполне взрослых героев романа в том же — в победе жизни. Но недаром семейная хроника Турбиных названа автором «Белой гвардией». Выходя из семейного теплого гнезда в чужой, чуждый и непонятный мир, создаваемый большевиками, герои булгаковского романа знают только одно, что старый мир, столь дорогой для них, кончился и возврата к нему нет. Последняя страшная оперетка, в которой они были действующими лицами и в которой растоптаны были все их мечты и надежды на возврат прошлой России, была белая гвардия. «И в будущем, вероятно, не скоро поймут» они, что несут с собой большевики, что такое социализм и Советская власть, но это единственно возможное, что осталось для России и в чем они вполне искренне видят меньшее из зол.

На последних страницах романа возле бронепоезда

«Пролетарий» ходит насмерть замерзший часовой и в полусне видит родную деревню, видит, как звезда Марс, сияющая в небе, впереди под Слободкой, «сжималась и расширялась, явно жила и была пятиконечная... Вперед-назад. Вперед-назад. Исчезал сонный небосвод, опять одевало весь морозный мир синим шелком неба, продырявленного черным и губительным хоботом орудия. Играла Венера красноватая, а от голубой луны фонаря временами поблескивала на груди человека ответная звезда. Она была маленькая и тоже пятиконечная».

Эта символика заставляет вспомнить вступительную фразу романа: «...высоко в небе стояли две звезды: звезда пастушеская — вечерняя Венера и красный, дрожащий Марс».

Нет сомнения, что автор романа по сравнению со своими героями сделал шаг дальше в понимании будущего. Роман его «агитирует» за Советскую власть. В оценке, которая была дана вскоре после постановки МХАТом знаменитой пьесы Булгакова «Дни Турбиных», созданной на основе его романа, сказано, что это произошло невольно для автора. Это не вполне справедливо. В пьесе, как и в романе, правда, нет и намек на то, что составляет суть «Восемнадцатого года» А. Н. Толстого, — на то, что «отстоять Россию» большевики смогли только на пути социализма. Однако ненависть русского патриота к чужеземным пришельцам, готовившим для России судьбу колонии иностранного капитализма, ненависть и презрение ко всем сменяющимся властям, завоевывавшим граждан и навязывавшим им свое опереточное государственное устройство, к тем же вождям белогвардейщины, горечь и тревога за будущее, за самую жизнь русской интеллигентной молодежи, обреченной на гибель «промотавшимися отцами», — все это приводит Михаила Булгакова к утверждению, что непонятные большевики, Советская власть — единственная сила, с которой можно серьезно считаться в истории новой России, вышедшей из Октябрьской революции. И пусть это сделано в несколько мистической символике двух звезд — Марса и Венеры, — суть дела от этого не меняется. Пусть неполноправие истории в романе Булгакова, ограниченность позиции его автора ограничили и его блестящие художественные возможности, — основная идея книги звучит явственно и определенно.

Роман Булгакова нельзя понять вне всего многообразного движения советской литературы. Сопоставление с «Восемнадцатым годом», на наш взгляд, позволяет правильнее оценить его истинное значение.